

Мас. 2692₁

КРИТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ.

Чеховские «Мужики».

В самом дѣлѣ, есть что-то толстовское въ разсказѣ Чехова, который напечатанъ въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли». Одинъ критикъ выразился такъ, что этотъ разсказъ въ пору-бы самому Толстому. Что Антопъ Чеховъ крупный талантъ—объ этомъ не приходится и спорить, но зачѣмъ непременно сравнивать писателя съ Гоголемъ, съ Толстымъ, съ Тургеневымъ, какъ это сплошь и рядомъ у насъ дѣлаютъ критики, когда хотятъ прославить молодого беллетриста и когда въ самомъ дѣлѣ писатель этотъ заслуживаетъ того, чтобы его похвалить. Истинная заслуга писателя въ его своеобразности. Что будетъ время, когда Чеховъ станетъ очень своеобразенъ, опять-таки не подлежитъ спору, а пока онъ развивается, растетъ, ищетъ себя и въ этомъ исканіи идетъ твердыми, увѣренными шагами. Онъ долженъ быть Чеховымъ, а не Толстымъ. Если-же въ немъ еще проглядываетъ стремленіе быть Толстымъ, можетъ быть, и невольное, то это объясняется, разумеется, его сравнительной молодостью. Величайшая честь для талантливаго писателя, когда говорятъ: вотъ Чеховъ; потому что Чеховъ, который есть только Чеховъ и больше никто, можетъ быть уже причисленъ къ первокласснымъ писателямъ. Когда-же говорятъ: вотъ Чеховъ, похожій на Толстого, то этой похвалой какъ-бы отбѣчаютъ еще и то, что писатель не совсѣмъ созрѣлъ. Въ этомъ смыслѣ и я повторю вслѣдъ за критикомъ, что «Мужики» написаны отчасти въ манерѣ Толстого, но прибавлю отъ себя, что въ значительной степени и въ манерѣ самого Чехова.

Въ одной изъ предыдущихъ книгъ «Русской Мысли» я натолкнулся какъ-то на нѣсколько строкъ, гдѣ говорилось съ большимъ возмущеніемъ о томъ, что нельзя изображать русскаго мужика въ безпросвѣтномъ мракѣ, что это даже просто преступленіе. Но что-же дѣлать, когда мракъ въ самомъ дѣлѣ довольно безпросвѣтенъ и когда стоишь только покинуть свой кабинетъ, выхвать изъ города и пожить среди народа, чтобы убѣдиться, какая непроглядь царитъ въ деревнѣ. Такой художникъ, какъ Чеховъ, не могъ-же наврать на народъ и наговорить, что это сплошное скопище тупицъ. Какъ художникъ, онъ черезчуръ воспринимать, можетъ быть, то мрачное впечатлѣніе, которое производитъ на чуткую душу деревня. Но и не долженъ художникъ писать то, что видитъ, въ полутонахъ. На палитрѣ его должны быть только живые и сильные тона.

Но, впрочемъ, пусть лучше судить чи-

татель. Мы не будемъ останавливаться на анализѣ новаго разсказа Чехова. Нашимъ читателямъ интересно познакомиться съ этой повѣстью, несомнѣнно, и вотъ мы изложимъ ее содержаніе.

Лакѣй изъ московской гостиницы «Славянской Базаръ», Николай Чикильдѣевъ, однажды, идя по коридору, споткнулся и упалъ вмѣстѣ съ подносомъ, на которомъ была ветчина съ горошкомъ. Пришлось оставить мѣсто и вмѣстѣ со всей семьей ѣхать въ деревню. Съ нимъ была жена и дочь, Саша. Бѣдность засталъ онъ ужасающую. Бѣдность, бѣдность! Въ переднемъ углу возлѣ иконъ были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги. Это вмѣсто картинъ. О рогацѣ терлась бѣлая кошка, которая оглохла, потому-что ее побили.

Деревня все-же имѣла пріятный видъ. Рѣка была въ верстѣ отъ деревни, извилистая, съ чудесными кудрявыми берегами. За нею опять широкій лугъ, стадо, за стадомъ длинныя вереницы бѣлыхъ гусей, потомъ также, какъ на этой сторонѣ, крутой подъемъ на гору, а вверху колокольня, съ пятиглавой церковью, немного поодаль господскій домъ.

Вернулись старики, отецъ и мать Николая, беззубые, оба одного роста. Пришли и бабы-невѣстки, Марья и Фекла, работавшія за рѣкою у помѣщика. У Марьи, жены брата Кирьяка, было шестеро дѣтей, у солдатки Феклы, жившей безъ мужа, двое. Когда Николай увидалъ все семейство, всѣ эти большія и маленькія тѣла, которыя шевелились на полатяхъ, въ люлькахъ и во всѣхъ углахъ, и когда увидалъ, съ какой жадностью старики и бабы ѣли черный хлѣбъ, макая его въ воду, то сообразилъ, что напрасно онъ сюда прѣхалъ, больной, безъ денегъ, да еще съ семьей—напрасно.

Стали пить чай. Отъ чая пахло рыбой, сахаръ былъ сѣрый,—всюду бѣгали тараканы. Было противно пить. И разговоръ былъ противный, все о нуждѣ да болѣзняхъ.

Но не успѣлъ выпить и по чашкѣ, какъ со двора донесся громкій, протяжный пьяный крикъ:

— Ма-арья!

— Похоже, Кирьякъ идетъ,—сказалъ старикъ.—Легкокъ на поминѣ.

И съ притихли. И немного погодя опять тотъ-же крикъ, грубый и протяжный, точно изъ подъ земли:

— Ма-арья!

Марья, старшая невѣстка, поблѣднѣла, прижалась къ печи, и какъ-то странно было видѣть на лицѣ у этой широкоплечей, сильной, некрасивой женщины выраженіе испуга. Ея дочь, та самая дѣвочка, которая сидѣла на печи и казалась равнодушной, вдругъ громко заплакала.

— А ты чего, холера? — крикнула на нее Фекла, красивая баба, тоже сильная и широкая въ плечахъ.—Небось, не убьетъ! Отъ старика Николая узнать, что Марья болѣла жить въ дѣсу съ Кирьякомъ и что

онъ, когда бывалъ пьянъ, приходилъ всякій разъ за ней и при этомъ шумѣлъ и билъ ее безъ пощады.

— Ма-арья!—раздался крикъ самой двери. — Вступитесь Христа-ради, родименькіе, — залепетала Марья, дыша такъ, точно ее опу- скали въ очень холодную воду. — Вступи- тесь, родименькіе...

Заплакали всѣ дѣти, сколько ихъ было въ изобѣ, и, глядя на нихъ, Саша тоже заплакала. Послышался пьяный кашель, и въ набу вошелъ высокій, чернобородый мужикъ въ вишней шапкѣ и оттого, что при тускломъ свѣтѣ лампочки не было видно его лица, — страшный. Это былъ Кирьякъ. Подошла къ жесѣ, онъ размахнулся и ударилъ ее кула- комъ по лицу, она же не издавала ни звука, ошеломленная ударомъ, и только присѣла, и тотчасъ же у нея изъ носа пошла кровь.

— Экой срамъ-то, срамъ! — бормоталъ ста- рикъ, полѣвая на печь. — При гостяхъ-то! Грѣхъ какой!

А старуха сидѣла молча, сгорбившись, и о чемъ-то думала; Оекла качала люльку... Видимо, сознавая себя страшнымъ и доволь- ный этимъ, Кирьякъ схватилъ Марью за ру- ку, потащилъ ее къ двери и зарычалъ ав- ремъ, чтобы казаться еще страшнѣе, но въ это время вдругъ увидѣлъ гостей и остано- вился.

— А, пріѣхали... — проговорилъ онъ, вы- пуская жену. — Родной братецъ съ семей- ствомъ...

На другой день Ольга пошла въ пер- ковъ и взяла съ собой Марью, «Ольга го- ворила степенно, нараспѣвъ и походка у нея была, какъ у богомолки, быстрая и и суетливая». Подошли къ рѣкѣ. На той сторонѣ у самой воды стояла какая-то женщина и раздѣвалась.

— Это наша Оекла, — сказала Марья. — Знать на барскій дворъ ходила. Къ приказ- чикамъ. Озорная и ругательная — страсть.

Оекла, чернобровая, съ распущенными во- лосами, молодая еще и крѣпкая, какъ дѣ- вушка, бросилась съ берега и вступала по водѣ ногами, и во всѣ стороны отъ нея по- шли волны.

Въ перкви, когда дяконъ возглашалъ что-нибудь басомъ, Марья всякій разъ чу- дился крикъ: «Ма-а-рья!», и она вздраги- вала.

Двѣ прелестныя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, помѣщицѣи дочери, растрогали набожную Ольгу. Она привыкла умиляться передъ господами, живя въ-горничныхъ. Но Марья эти дѣвушки показались чудо- вищами.

Вся деревня Жуково искони служила въ лакеяхъ. И пошло это съ Деогина Иваны- ча, жуковского крестьянина, теперь уже легендарнаго, который служилъ буфетчи- комъ въ одномъ изъ московскихъ клу- бовъ, и принималъ къ себѣ на службу только своихъ земляковъ. Отъ этого де- ревня Жуково называлась у окрестныхъ жителей не иначе какъ Холуевкой, хотя могла бы быть названа Дураковкой или Безтолковкой.

Приди изъ перкви, Ольга слушала еван- геліе, которое читала маленькая Саша. Всѣхъ растрогало слово «дождева». Ольга не удержалась и заплакала. На нее глядя, всхлинула Марья, потомъ сестра Ивана

Макарыча (эрмитажнаго капельдинера). И старикъ закашлялся, засуетился.

По случаю праздника купили въ трак- тирѣ селедку и варили похлебку изъ се- ледочной головки. Похлебку съѣли, а се- ледку бабка спрятала. Кирьякъ опять чуть не побилъ Марью. Старикъ удержалъ его.

— Лю-э-блю и цвѣты по-ле вы-и! — запѣлъ вдругъ старикъ высокимъ, пронзительнымъ теноромъ. — Лю-э-блю по дугамъ собирать!

Потомъ сплюнулъ, нехорошо выбравшись и пошелъ въ набу.

Былъ жаркій августовскій день. Саша была поставлена бабкой стеречь гусей, но вмѣсто этого она съ Мотькой, другой дѣ- вочкой, стала кататься по скату.

При этомъ у Мотьки рубаша задралась до плечъ.

— Какъ мнѣ стало смѣшно! — сказала Саша въ восторгѣ.

Въ это время показалась бабка. Беззу- бая, костлявая, горбатая, съ короткими сѣдыми волосами, гнала она отъ огорода гусей и кричала:

— Ксю капусту потолкли окаянные, чтобы вамъ переколѣть! Трижды анафемы! Явны! Нѣтъ на васъ погребели.

Она увидѣла дѣвочекъ, бросила палку, подняла хворостину и, схвативши Сашу за шею пальцами сухими и твердыми, какъ рогульки, стала ее сѣчь. Потомъ бабка при- нялась сѣчь Мотьку и при этомъ у Мотьки опять задралась рубаша.

Николай, узнавъ объ этомъ, когда дѣ- вочки вошли, плачущимъ голосомъ, обра- щаясь къ матери, проговорилъ:

Вы не можете ее бить! Вы не имѣете никакого права ее бить.

И Саша, и Мотька, и всѣ дѣвочки, сколько ихъ было, забѣжали на печи въ уголъ за спи- ной Николая, и слышно было, какъ стучали ихъ маленькія сердца.

Между тѣмъ, Марья принесла ведро съ молокомъ. Бабка была довольна, что те- перь въ Успеневъ постъ никто нестанетъ ѣсть молока и оно все останется цѣло.

На Успенье былъ пожаръ въ дерев- нѣ. Въ тушеніи пожара участвовалъ сту- денгъ изъ господскаго дома.

Студентъ, работая кнжкой, направлялъ струю то на эти бревна, то на мужиковъ, то на бабъ, таскавшихъ воду.

Жоржъ! — кричали ему дѣвушки, уко- ризненны, и съ тревогой. — Жоржъ!

Пожаръ кончился. И только когда стали расходиться, замѣтили, что уже разсвѣтъ. что всѣ блѣдны, немножко смуглы, — это всегда такъ кажется въ раннія утра, когда па небѣ гаснутъ послѣднія звѣзды. Раско- дясь, мужики сѣялись и подшучивали надъ поваромъ генерала Жукова и надъ шапкой, которая сгорѣла; имъ уже хотѣлось разы- грать пожаръ въ шутку и какъ будто даже было жаль, что пожаръ такъ скоро кон- чился.

— Вы, баринъ, хорошо тушили! — сказала Ольга студенту. — Васъ бы къ намъ въ Мо- скву: тамъ, почитай, каждый день пожаръ.

— А вы развѣ изъ Москвы? — спросила одна изъ барышень.

— Точно такъ. Мой мужъ служилъ въ Славянскомъ Базарѣ-съ. А это моя дочь. — указала она на Сашу, которая озябла и жа- лась къ ней. — Тоже московская...

Обѣ барышни сказали что-то по-француз- ски студенту, и тотъ подалъ Сашѣ двугри-

венный. Старикъ Осипъ видѣлъ это, и на лицѣ у него вдругъ засвѣтилась надежда.

— Благодарить Бога, ваше высокоблагородіе, вѣтра не было,—сказалъ онъ, обращаясь къ студенту,—а то-бы погорѣли въ одночасье. Ваше высокоблагородіе, господа хорошие,—добавилъ онъ конфузливо, тономъ ниже,—варя холодная, погрѣться-бы... на полбутылочки съ вашей милости.

Ему ничего не дали, и онъ, крикнувъ, поплелся домой. Ольга потомъ стояла на краю и смотрѣла, какъ обѣ повозки переѣзжали рѣку бродомъ, какъ по лугу шли господа; ихъ на той сторонѣ ожидалъ князь. А прядя въ нѣбу, она рассказывала мужу съ восхищеніемъ:

— Да такіе хорошіе! Да такіе красивые! А барышни—какъ херувимчики.

— Чтобъ ихъ розовало! — проговорила сонная Фекла со злобой.

Однажды вечеромъ собрались въ избу всѣ, кромѣ Феклы, и пришли еще гости.

— При господахъ лучше было,—говорилъ старикъ, мотая шею. — И работаешь, и ѣшь, и спишь, все своимъ чередомъ. Въ обѣдъ щи тебѣ и каша, въ ужинъ тоже щи и каша. Огурцовъ и капустъ было вволю, ѣшь добровольно, сколько душа хочетъ. И строгости было больше. Всякій себя помнилъ.

Поваръ генерала Жукова тоже сталъ вспоминать про прежнее время. Николай, сидя на печи свѣсивъ ноги, слушалъ и спрашивалъ все о кушаньяхъ, какіе готовили при господахъ. Говорили о биткахъ, котлетахъ, разныхъ супахъ, соусахъ, и поваръ, который тоже все очень хорошо помнилъ, называлъ кушанья, какіихъ нѣтъ теперь; было, напримѣръ, кушанье, которое приготовлялось изъ бычьихъ глазъ и называлось «поутру проснувшись».

— А котлеты маршала тогда ѣдали? — спросилъ Николай.

— Нѣтъ.

Николай укоризненно покачалъ головой и сказалъ:

— Эхъ вы, горе—повара!

Потомъ всѣ заснули.

Кто-то тихо-тихо постучалъ въ окошко. Должно быть, Фекла вернулась. Ольга встала и, зѣвая, шепча молитву, отперла дверь, потомъ въ снѣгахъ вынула засовъ. Но никто не входилъ, только съ улицы повѣяло холодомъ и стало вдругъ свѣтло отъ луны. Изъ открытую дверь было видно и улицу, тихую, пустынную, и самую луну, которая плыла по небу.

— Кто тутъ? — окликнула Ольга.

— Я, — послышался отвѣтъ. — Это я.

Около двери, прижавшись къ стѣнѣ, стояла Фекла, совершенно нагая. Она дрожала отъ холода, стучала зубами, и при яркомъ свѣтѣ луны, казалась очень блѣдной, красивой и странной. Тѣни на ней и блескъ луны на кожѣ какъ-то рѣзко бросались въ глаза и особенно отчетливо обозначались ея темныя брови и молодая, крѣпкая грудь.

— На той сторонѣ озорники раздѣли, пустыни такъ... — проговорила она. — Домой безъ одежды шла... въ чемъ мать родила. Принеси одѣться.

— Да ты въ избу иди! — тихо сказала Ольга, тоже начиная дрожать.

— Старики-бы не увидали.

Итакъ, не только бѣдность, тупость,

глупость, жадность, жестокость, тоска по крѣпостной неволѣ, но и голый развратъ царить въ деревнѣ Холуевкѣ. Въ заключеніе и вѣры нѣтъ.

Старикъ не вѣрилъ въ Бога, потому что почти никогда не думалъ о Немъ; онъ признавалъ сверхъ-естественное, но думалъ, что это можетъ касаться однихъ лишь бабъ, и когда говорили при немъ о религіи или чудесномъ и задавали ему какой-нибудь вопросъ, то онъ говорилъ нехотя, почесываясь:

— А кто-же его знаетъ!

Бабка вѣрила, но какъ-то тускло; все переживалось въ ея памяти, и едва она начинала думать о грѣхахъ, о смерти, о спасеніи души, какъ нужда и заботы перехватывали ея мысль, и она тотчасъ-же забывала, о чемъ думала. Молитвъ она не помнила и обыкновенно по вечерамъ, когда спать, становилась передъ образами и шептала:

— Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троицкой Божьей Матери...

Марья и Фекла крестились, говѣли каждый годъ, но ничего не понимали. Дѣтей не учили молиться, ничего не говорили имъ о Богѣ, не внушали никакихъ правилъ и только запрещали въ постъ скоромное.

Сильное впечатлѣніе произвела картина выколачиванія податей въ Холуевкѣ. Изъ избы Чикильдѣвыхъ забрали самоваръ, и въ этомъ было что-то необыкновенно унизительное, оскорбительное, то, что у избы отняли вдругъ ея честь. Послѣ самоваровъ отбирали куръ, которыя всѣ поколѣнія въ волостномъ правленіи, такъ какъ ихъ никто не морилъ. Мужики во всемъ виноватили земство. Бывшей горничной Ольгѣ то, что происходило въ деревнѣ, казалось все отвратительнымъ и мучило ее.

На Ильинѣ пили на Успенье пили, на Воздвиженіи пили. На Покровѣ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 р. общественныхъ денегъ и потомъ еще съ всѣхъ дворовъ собирали на водку. Въ первый день у Чикильдѣвыхъ варѣли барана и ѣли его утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ, ѣли помногу, и потомъ еще ночью дѣти вставали, чтобы поѣсть. Кирьякъ всѣ три дня былъ страшно пьянъ, пропилъ все, даже шапку и сапоги, и такъ билъ Марью, что ее отливали водой. А потомъ всѣхъ было стыдно и тошно.

Смерти не боялись въ Холуевкѣ, боялись только богатые мужики, которые хотя не вѣрили въ Бога и спасеніе души, но на всякій случай ставили свѣчи и служили молебны; но зато ко всѣмъ бѣдѣзнямъ относились съ преувеличеннымъ страхомъ. Бабка знала всѣхъ докторовъ, фельдшеровъ и знахарей на тридцать верстъ кругомъ, но ей для Николая порекомендовали ссобога фельдшера.

Когда выпалъ первый снѣгъ, она съѣздила въ городъ и привезла оттуда бородатаго и длиннополаго выкresta. Тотъ осмотрѣлъ Николая и сказалъ, что необходимо поставить банки.

Онъ ставилъ банки, а старикъ, портной Кирьякъ и дѣвочки стояли и смотрѣли, и имъ казалось, что они видятъ, какъ изъ Николая выходятъ болѣзнь. И Николай тоже смотрѣлъ, какъ банки, присосавшись къ

груди, мало-помалу наполнялись темной кровью, и чувствовал, что из него въ самомъ дѣлѣ какъ будто что-то выходитъ и улыбался отъ удовольствія.

— Оно хорошо,—говорилъ портной.—Да Богъ, чтобъ на пользу.

Выкрестъ поставилъ двѣнадцать банокъ и потомъ еще двѣнадцать, напился чаю и уѣхалъ. Николай сталъ дрожать; лицо у него осунулось и, какъ говорили бабы, свисало въ кулачокъ; пальцы посинѣли. Онъ кутался и въ одѣяло, и въ тулупъ, но становилось все холоднѣе. Къ вечеру онъ затосковалъ; просилъ, чтобы его положили на полъ, просилъ, чтобы портной не журилъ, потому затихъ подъ тулупомъ и къ утру умеръ.

Такъ кончилась жизнь лакея изъ «Славянского базара». Прошла суровая длинная зима. Ольга рѣшилась уйти съ Сашей опять въ Москву. Онъ вышелъ изъ села и, очутившись въ другой деревнѣ, остановился около избы, которая казалась побольше и новѣе; передъ открытыми окнами

Ольга поклонилась и сказала громко, тонкимъ, пѣвучимъ голосомъ:

— Православные христіане, подайте милостыню Христа ради, что милость ваша, родителямъ вашимъ царство небесное, вѣчный покой.

— Православные христіане,—завѣла Саша,—подайте Христа ради, что милость ваша, царство небесное.

Это послѣднія слова въ разсказѣ Чехова. Страшный и грустный приѣздъ, ужасныя слова, несмотря на всю ихъ наивную пустоту и смиренную незлобивость.

Близорукіе борзописцы воображаютъ, что изображеніе деревни темными красками представляетъ собою какую-то клевету на русскій народъ. Это не клевета, это сердце болитъ у художника, который одаренъ тонкими нервами и который не можетъ говорить даже лжи во спасеніе. Разсказъ этотъ такой маленький, что Чехову некогда было остановиться на другихъ деревенскихъ типахъ. Онъ не изобразилъ ни кабатчика, ни богатыя—паука. Многого остается неяснымъ, но вѣдь не романъ онъ написалъ. Въ разсказѣ едва листь съ небольшимъ. Это то бѣглое впечатлѣніе, которое производитъ на художника общеніе его съ деревней. Разсказъ, тѣмъ не менѣе, заставляетъ задуматься читателя и ужаснуться той глубинѣ мрака, въ которомъ копошится населеніе нашихъ деревень. Если-бы не этотъ мракъ и не это отсутствіе «правиль», мужики могли-бы жить не только безбѣдно, но и въ полномъ довольствѣ, потому что есть всѣ данныя для этого. Одно только упущено, намъ кажется, Чеховъ—это смирительность русскаго челоуѣка и наклонность его къ предпріимчивости. Ничего не значить, что наклонность эта выражается въ комичныхъ формахъ. Холуевка черезчуръ тупа и безнадежна.

Я.

< и. и. Ясинскій >